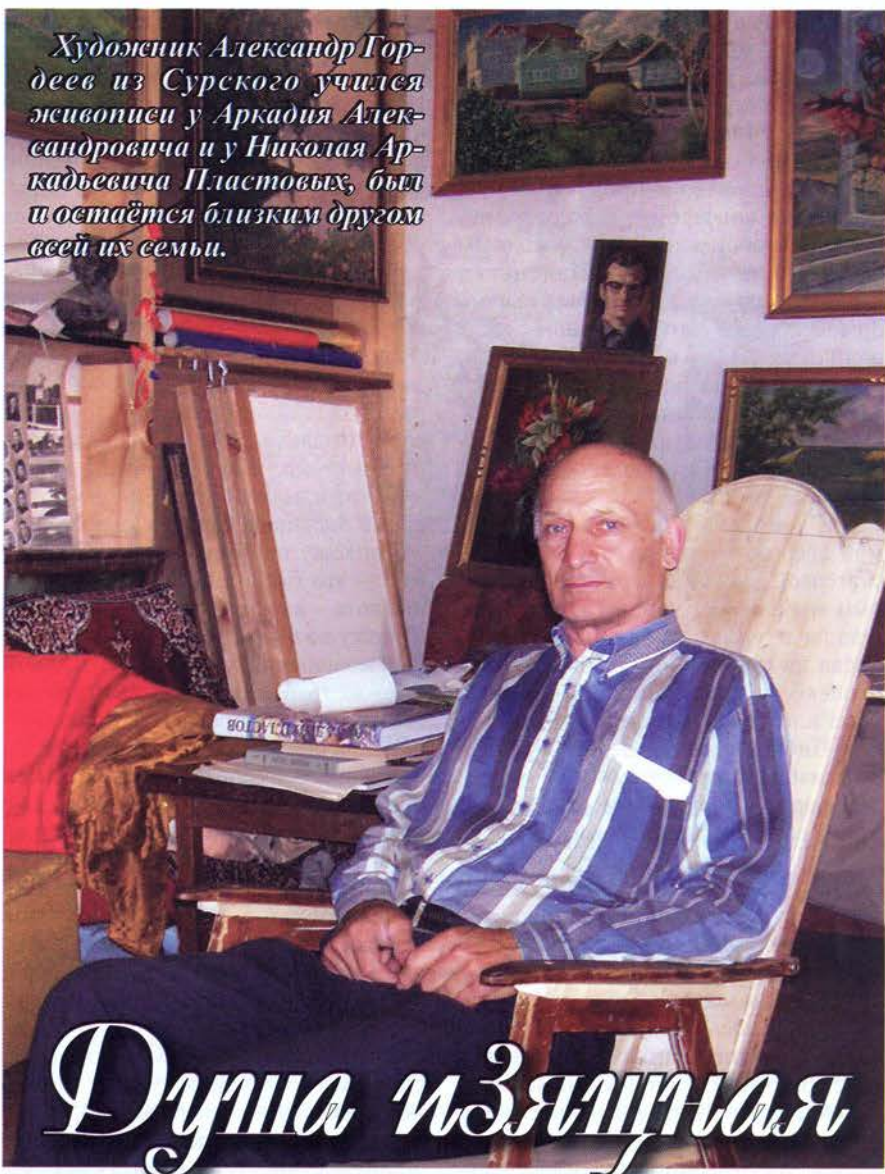

Художник Александр Гордеев из Сурского учился живописи у Аркадия Александровича и у Николая Аркадьевича Пластовых, был и остаётся близким другом всей их семьи.

Душа изящная

Мастерская Гордеева – бывший молебный дом, и дух здесь особенный – сотворения и созерцания. Сам Александр Степанович несуетлив, степенен, немногословен. О себе говорит неохотно. Отец с войны вернулся с тяжёлыми ранениями и тяжело болел, матери было нелегко поднимать троих сыновей. Александр отслужил в армии, вернулся в родное Сурское и начал работать педагогом – сначала в спортивной школе, а потом в средней. Учился в Ульяновском педагогическом институте на историческом факультете заочно, без отрыва от работы. Ученики ходили за ним по пятам, любили его до самозабвения, но тяга к культуре, искусству перебила привязанность к школе. Сначала Александр Степанович испытал себя в качестве руководителя отдела культуры, но вскоре понял, что его

назначение – рисование и живопись, и возглавил оформительские мастерские при районном отделе культуры. Однако писать «для души» удавалось редко, приходилось много работать по заказу районных властей. Рисовал вывески, плакаты и лозунги, оформлял клубы и разные учреждения. А душа, как птица в клетке, томилась и страдала. Так всегда бывает, когда душа напоена свободой и рвётся к облакам, холмам и далям, – у Гордеева душа именно такая. Об этой её особенности знают все три поколения семьи Пластовых.

Ещё юношей Александр мечтал показать свои работы Аркадию Александровичу. Но как попасть в дом великого художника? Выручил друг из Прислонихи, который пообещал представить начинающего рисовальщика няньке Кате. «Понравилась няньке, –

сказал Добрынин, – тогда всё получится, она там всем заправляет». Позже и сам Гордеев в этом убедился и няньку – Екатерину Шарымову – называл не иначе, как «командир корабля».

Первая встреча с Пластовым произошла летом 1964 года. Её итог зависел, конечно, не от няньки, а от наличия у юноши таланта. Что-то заметил Пластов в его несмелых набросках, ведь известно, как строг был мастер в своих оценках, поэтому последовали вторая и третья встречи, эмоциональные уроки и наставления. И как-то незаметно Александр стал своим в доме Пластовых.

«Все благоволили к Саше, – рассказывает Елена Николаевна Холодили-на-Пластова. – Когда наступала осень, Аркадий Александрович и мы, тогда ещё молодежь, уезжали в Москву, дом в Прислонихе пустел, оставались Наталья Алексеевна с нянькой, а с ними частенько – Саша. Он всегда в трудные минуты был рядом. Когда умер Аркадий Александрович, помогал Николаю резать крест, потом – памятные доски. Обновлённые наличники и резьба на воротах – тоже его работа. Николай Аркадьевич очень уважал и любил его. В восстановлении церкви Гордеев принимал деятельное участие. Писал иконы, выполнял резьбу на окладах. Пилястры на ткани колонн – тоже его. Наши отношения с Сашей прошли серьёзную проверку временем, теперь вот Коля – Николай Николаевич – с ним дружит. Душа у него особенная – изящная. Такую редко встретишь».

Гордеев гостил у Пластовых, когда ему позвонили и сообщили, что горит его дом в Сурском. Случилось это три года назад. Мастерской у Александра Степановича тогда не было (в тяжёлые перестроечные годы ставки художников-оформителей сократили и из районной мастерской выселили), все картины хранились дома. Сгорело всё, пропал труд жизни. Однако художник говорит об этом спокойно: Бог дал – Бог взял, надо писать заново. И пишет. Очень много пишет, навёрстывает упущенное.

Свет льётся из окон мастерской какой-то особенный, густой, укрывает молочной поволокой еще не высохшие от краски иконы. Время здесь замерло на вздохе, на упоении присурской красотой, запечатлённой в пейзажах и исторических картинках прошлого. Александр Гордеев – не просто художник, он – художник жизни, потому что знает тайну сотворения и дарит зрителю радость познания.

